

МУЗЫКАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА НАРОДОВ РОССИИ

В. А. ШВЕЦОВА

*Петрозаводская государственная консерватория
им. А. К. Глазунова*

УДК
781.7:781.62

О СТРУКТУРЕ СТИХА И МУЗЫКАЛЬНО-РИТМИЧЕСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ СВАДЕБНЫХ РУН БЕЛОМОРСКИХ КАРЕЛ

Знаменитый литературный свод «Калевала», опубликованный финским учёным и собирателем Э. Лённротом (первая редакция — 1835, вторая редакция — 1849), вызвал необычайный подъём интереса этнографов, филологов и просто любителей народной поэзии к богатейшей певческой традиции карел и финнов. Долгое время наиболее притягательным для фольклористов оставалось эпическое наследие этих народов, которое «заслонило» собой не менее развитую свадебную традицию, как, впрочем, и другие жанры (детские, колыбельные и прочие напевы). Причиной тому явилось безусловное количественное преобладание эпических рун среди всего массива рунических образцов, зафиксированных собирателями в деревнях Беломорской Карелии¹.

Со времени издания «Калевалы» в финской фольклористике появился внушительный ряд работ, так или иначе связанных с карельской рунической традицией (В. Салминен², М. Хаавио³, М. Кууси⁴ и др.). Среди них необходимо отметить и труд У. Холмберга-Харва «Свадебные руны Восточной Карелии»⁵. В исследовании подробно анализируются сюжеты свадебных рун, записанных финляндскими учёными (Э. Лённротом, А. Борениусом, К. Карьялайненом и мн. др.) во второй половине XIX — начале XX вв. на территории Архангельской и Олонецкой губерний, и опубликованные в собрании «Старинные народные финские руны» (SKVR)⁶. Однако многие вопросы, связанные с бытованием и структурой музыкально-поэтических текстов сва-

дебных рун беломорских карел, по-прежнему остаются открытыми.

На протяжении более чем 150-ти лет учёные Финляндии и Карелии исходили из позиции, что свадебный фольклор, за исключением причитаний, является *частью* единой рунической традиции, для которой характерна определённая структура стиха. Дело в том, что и музыкальные (эпические, колыбельные, свадебные руны и др.), и вербальные (заговоры, заклинания) жанры карельского фольклора объединяет стиховой размер поэтических текстов. После опубликования эпоса «Калевала» этот размер получил название «калевальская метрика» (от фин. *kalevalamitta* — калевальский размер).

С особенностями структуры рунического стиха тесно связана проблема понятийного аппарата, которая остаётся одной из наиболее актуальных. Так, например, не вполне очерчен круг значений термина «руна» (от фин. *runo* — стих, стихотворение). Термин известен ещё с середины XVI в., когда он применялся для обозначения стиха и вообще поэтического произведения. На дальнейшее употребление понятия *runo* повлияло широкое распространение самобытной восьмислоговой формы стиха народной поэзии прибалтийско-финских народов. В дошедших до нас рукописях и первых изданиях образцов поэзии второй половины XVII — начала XVIII вв. содержатся сведения о рунах различного содержания — восхвалениях шведского короля, своеобразных рунах-прошениях о мире, рунах, выполняющих функцию церковных песнопений и т.д.

Впоследствии в работах финских филологов и музыковедов термин *runo* стал обозначать как собственно стих (поэтический текст руны), так и музыкально-поэтическое целое (фин. *runolaulu* — рунопение). В настоящее время он применяется по отношению к разным музыкально-поэтическим жанрам: эпическим, свадебным, колыбельным, детским игровым песням. Финская этномузыкологическая наука (А. Лаунис⁷, А. Вайсянен⁸, Т. Лейсио⁹, Х. Лайтинен¹⁰, П. Хутту-Хилтунен¹¹) справедливо рассматривает руну и руническую форму вообще как некую универсалию, аргументируя эту точку зрения особенностями строения стиха.

В публикациях карельских филологов название руна, по утверждению В. Я. Евсеева, ещё в прошлом веке закрепилось за карело-финскими народными эпическими песнями [3, с. 9]. Русская транскрипция финского слова *runo*, вероятно, вошла в литературный обиход после первой публикации «Калевалы» на русском языке в переводе Л. П. Бельского в 1888 году. Под руной в самом широком смысле стали понимать определённый тип стихосложения, который может воплощаться в разных жанрах фольклора, в более узком значении термин руна стал использоваться как жанровое определение для эпоса.

Между тем, по мнению одного из самых авторитетных представителей карельской фольклористики, исследователя, собирателя и знатока карельской традиционной словесности А. С. Степановой, русскоязычное понятие «руна» не имеет статуса научного термина, не является оно и народным¹². Как известно, для произведений фольклора народные исполнители применяют свои обозначения, маркирующие их культурную функцию.

Все рунические образцы в карельской литературе именуются песнями калевальской метрики: свадебная песня, колыбельная песня и т.д. При этом большинство исследователей рассматривают руническую поэзию как некий самодостаточный объект изучения, упуская, на наш взгляд, одну важную деталь: бытование рунических текстов в условиях *музыкального интонирования*.

Среди этномузыковедов Карелии в вопросе определения термина руна нет единогласия, но нет и дискуссии. Причиной тому — дефицит специальных работ, хотя исследованию напевов карельских (прежде всего, эпических) рун были посвящены отдельные статьи музыковедов Л. М. Кершнер¹³, К. И. Южак¹⁴, Т. В. Краснопольской¹⁵,

Р. Ф. Зелинского¹⁶, И. Б. Семаковой¹⁷ и др. Музыковеды вслед за филологами стали называть рунами преимущественно эпические образцы, перенеся этот термин и на напев. А позднее определение *рунический* закрепилось за всеми напевами, связанными со стихом калевальского размера.

Особенно хорошо это демонстрируют труды эстонских коллег. Так, в переведённых на русский язык работах Х. Тампере, И. Рюйтел, Ю. Тедре и др. руны различной функциональной принадлежности объединяются в единую руническую певческую культуру прибалтийско-финских народов. Для разделения поэтической и музыкальной составляющих были введены термины — рунический стих, рунический напев и руническая песня (как результат координации поэтического текста с напевом). Однако в данной работе вместо понятий руническая песня и песня калевальской метрики используется термин руна как наиболее адекватно отражающий музыкально-поэтическую стилистику данного вида традиционного певческого искусства беломорских карел¹⁸.

Основным признаком рунического стиха является его особый размер. На протяжении более чем полутора столетий в карельской и финляндской фольклористике господствует устойчивое мнение о сходстве рунического размера с метрикой четырёхстопного хоря. Причиной такого представления о руническом стихе, вероятно, можно считать преобладание восьмислоговых стихов в поэтических текстах рун, в том числе и свадебных. Восьмислоговые стихи составляют, как минимум, две трети от всего объёма рунического текста, из-за чего эту стиховую форму музыковеды Карелии называют ещё калевальским восьмисложником. В связи с тем, что в прибалтийско-финских языках грамматическое ударение всегда приходится на первый слог, часто встречающаяся последовательность двух- и четырёхслоговых слов в поэтических текстах рун вызывает подобие стопности:

Lenti kokko koilta ilman, 8 (2+2+2+2)¹⁹

Koilta ilman, halki taivon... 8 (2+2+2+2)

[10, № 1492]

Нельзя не обратить внимание и на те стихи, в состав которых входят трёх- и/или пятислоговые слова и комплексы слов, образующие группировку 3+5, 3+2+3, 3+4, 3+2+2 и др. Они могут составлять от одной трети до половины всего количества стихов в руне, формируя как восьмислоговые, так и семи-десятислоговые стихи:

Jo sanon tämän syksyn	8 (1+2+2+3)
Kierytin tämän kevähän	8 (3+2+3)
Loatiete, tytöt piilopirtti...	9 (3+2+4)

[10, № 1493]

Действительно, в восьмислоговых стихах с чётным количеством слогов в словах грамматическое ударение падает на первую/третью и пятую/седьмую позиции. Но при сохранении словесного ударения в трёх-пятислоговых словах стопность стиха нарушается. В финляндской науке эти два типа стиха получили название «бесперебойного» и «перебойного»²⁰.

На изменения ритма рунического стиха обращали внимание и представители эстонской фольклористической школы. «В хореическом ритме стиха [эстонского. — *В. III.*] нет сомнения, если стих состоит из слов, количество слогов в которых делится на два:

Neitsikesed, noorukesed...

Keelel vaesel olla vaita...

Но если встречаются стихи, в которых смешаны двух- и трёхсложные слова или комплексы слов ... то здесь мнения расходятся» [6, с. 95].

Взгляды финских и эстонских учёных на проблему стихового размера руны различаются. Этномузыковеды финской школы (А. Вяйсянен, Т. Лейсио, Х. Лайтинен и мн. др.) единогласно придерживаются позиции, согласно которой руны «скандируются», то есть исполняются с ударениями, изменёнными в соответствии с требованиями размера стиха, который традиционно разделяется на четыре хореические стопы [там же]. Эстонские фольклористы, например, И. Рюйтел, напротив, в большинстве своём утверждают, что для многих северно- и южноэстонских свадебных рун характерно так называемое «нескандирование» — способ исполнения, при котором сохраняются нормативные грамматические ударения и тогда, когда в строке встречается трёхсложное слово, разрушающее регулярное чередование ударных и безударных слогов [5, с. 177].

Наблюдение И. Рюйтел справедливо и в отношении свадебных рун беломорских карел. Об этом свидетельствуют примеры произнесения (исполнения без напева) поэтических текстов свадебных рун носителями традиции в полевых условиях. При проговаривании стихов рун карельские исполнительницы не стремятся к акцентированию каждого нечётного слога, сохраняя естественные грамматические ударения в трёх- и пятислоговых словах²¹.

Сходство с хореическим размером, вероятно, может быть вызвано особенностями языка. Возможно, именно структура древнего карельского языка с присущим ему обилием слов с чётным количеством слогов (в основном, двух- и четырёхсложных), с одной стороны, и противопоставление чётнослоговых и нечётнослоговых слов, на большую роль которого в старофинском языке указывал Д. В. Бубрих [1, с. 42], — с другой, обусловили и самобытную форму рунического стиха, складывающегося из двух ритмических слогакомплексов (4+4). И хотя специальных языковедческих исследований по этой теме не проводилось, этномузыковед Т. Лейсио интуитивно почувствовал, что причиной широкого распространения рунической формы стала её метрическая структура, чрезвычайно удобная для финских [точнее, для прибалтийско-финских. — *В. III.*] языков. Исполнение рун при укачивании ребёнка, движении на лодке способствовало быстрому и лёгкому запоминанию рун даже детьми [9, с. 43].

Примечательно, что подобные наблюдения имеют место только в том случае, если руническая форма рассматривается с точки зрения единства поэтического текста и напева. Широчайшее распространение силлабо-тонического типа стихосложения во второй половине XIX века повлияло, вероятно, на возникновение в научной среде искусственного представления о стопности рунического стиха. Между тем, силлабическая природа руны предполагает ориентацию не на акцентуацию слогов, а на количество слогов в стихе, их упорядочивание в просодическом периоде.

При координации с напевом восьмислогового стиху руны соответствует ритмический период, который складывается из двух ритмоформул, отвечающих четырёхсловным группам. Наиболее очевидно эта закономерность проступает в устойчивой ритмической форме так называемого напева «общего типа»²², широко известного в музыкальной фольклористике как «эпического»:

Стих здесь ритмизован при помощи повтора базового элемента — пиррихия, и его аугментированной версии, завершающей второе построение, что связано с универсальным принципом торможения к концу просодического периода²³.

Многообразии ритмических версий свадебных рун демонстрируют наиболее ранние записи, помещённые в сборнике А. Лауниса²⁴, а также некоторые напевы, опубликованные в отечествен-

Таким образом, реестр мельчайших построений, образующих ритмоформулы свадебных напевов, относительно невелик и состоит из трёх основных — пиррихия, ямба и хорея. Разнообразие же рунических форм достигается за счёт комбинаторики базовых элементов и их ритмических версий, которые являются следствием изменений слоговой величины стиха:

Пример № 1 Зап. от Ф. В. Петровой
(р. 1919), пос. Калевала, 2005 г.

Kokko len-ti koil-li -ses-ta... 8 (4+4)

Пример № 2

Kempä tämän on to-ven va-le... 9 (5+4) [4, № 18]

Пример № 3

Nouse pois, ko - ri - ja, korjas-ta... 9 (3+3+3) [4, № 21]

Как видно из последнего образца, появление в стихе слов с нечётным количеством слогов ниве-

лирует цезуру, хорошо заметную в стихах с группировкой слогов 4+4. Однако гибкий стих не препятствует развёртыванию ритмической канвы напева и не претендует на акцентуацию каждого нечётного слога. Наличие динамических акцентов как единственно возможное средство выразительности, скорее, свойственно ритмической структуре напева «общего типа», имеющего речитативный склад.

Очевидно, что ритмоформулы сложились в ориентации на четырёхслоговые группы, преобладающие в стихах рун, и приобрели статус типизированных структурных единиц, составляющих так называемый «грамматический фонд традиции» [2, с. 42]. Важным показателем эмансипированности откристиллизовавшихся ритмоформул, изначально соответствующих четырёхслововым группам, выступает, на наш взгляд, их присутствие (в большей или меньшей степени) в напевах разных, в том числе и нерунических, жанров карельского певческого фольклора — эпических, колыбельных, свадебных рунах, причитаниях и т.д. Однако лишь свадебная руна выделилась в отдельную жанровую разновидность благодаря сочетанию двух составляющих категории жанра: функциональной закреплённости и самобытному способу ритмизации рунического стиха.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Под Беломорской Карелией (*Vienan Karjala*) в финляндской и карельской фольклористике понимают довольно обширные территории Северной Карелии, прилегающие к побережью Белого моря. До 1917 г. они входили в состав Архангельской губернии. Ареал собственно беломорокарельской традиции охватывает территории современных Калевальского, Лоухского, частично Беломорского, Кемского и Муезерского районов.

² Salminen V. *Suomalaisten muinaisrunojen historia*. — Helsinki, 1934.

³ Haavio M. *Viimeiset runonlaulajat*. — Porvoo-Helsinki, 1948.

⁴ Kuusi M. *Kirjoittamattomasta kirjallisuudesta. Eisuomalainen runous. Varhaiskalevalainen runous. Sydänkalevalainen epikka ja lyrikka. Keskiäjäkalevalainen runous. Myöhäiskalevalainen runous* // Suomen kirjallisuus. — Helsinki, 1963.

⁵ Holmberg-Harva U. *Kauko-Karjalan Häärinot* // *Annales universitatis Aboensis*, s. B, osa IX. — Turku, 1929.

⁶ См.: [10].

⁷ Launis A. *Über Art, Entstehung und Verbreitung der Estnisch-Finnischen runenmelodien*. Helsinki: SKS, 1910; *Runosavelmia. Karjalan runosavelmat / Julkasi Armas Launis*. — Helsinki, 1930.

⁸ Väisänen A.O. *Kalevalan sävelmä* // Erkki Pekkilä (toim.) *Hiljainen Haltioituminen*. A.O. Väisänen tutkielmia kansanmusiikista. — Helsinki: SKS, 1990.

⁹ Leisiö T. *Kalevalaisen kansanlaulun ulottuvuuksia* // Erkki Salmenhaara (toim.): *Juhlakirja Erik Tawaststjernalle*. — 10. X. 1976. — *Acta Musicologica Fennica*, 9. — Helsinki: Suomen Musiikkitieteellinen Seura ja Otava, 1976. — S. 237–300.

¹⁰ См.: [8].

¹¹ См.: [7].

¹² А. С. Степанова широко известна своими работами по изучению языка карельских причитаний. См.: Карельские причитания / изд. подгот. А. С. Степанова, Т. А. Коски. — Петрозаводск: Карелия, 1976; Степанова А. С. *Метафорический мир карельских причитаний*. — Л.: Наука, 1985; Она же. *Карельские плачи: специфика жанра*. — Петрозаводск: Периодика, 2003 и др. Свою точку зрения Александра Степановна высказала в личной беседе.

¹³ Кершнер Л. М. О мелодике карельских народных песен // *Карельские народные песни / сост. сб. и вступит. ст. Л. М. Кершнер; ред., предисл. и коммент. Е. В. Гиппиуса и В. Я. Евсеева*. — М.: Музгиз, 1962. — С. 9–33.

¹⁴ Южак К. И. О ладовом и мелодическом строении рунических напевов // *Русская и финская музыкальная культура: проблемы национальной традиции и межкультурных*

взаимодействий / сост. В. И. Нилова. — Петрозаводск: Карелия, 1989. — С. 30–48 и др.

¹⁵ Краснопольская Т. В. Напевы эпических песен и проблемы изучения жанрово-стилевой природы певческого фольклора карелов // Краснопольская Т. В. Певческая культура народов Карелии: очерки и статьи. — Петрозаводск: Изд-во ПГУ, 2007. — С. 8–27 и др.

¹⁶ Зелинский Р. Ф. Некоторые наблюдения о песенной рунической традиции северных карел // Музыкальное финно-угроведение. Актуальные проблемы национального музыкального образования: матер. Всерос. науч. этномузыковедческой конф., посвящ. 10-летию кафедры музыки финно-угорских народов Петрозаводской государственной консерватории им. А. К. Глазунова. — Петрозаводск, 2005. — С. 35–37.

¹⁷ Семакова И. Б. Мелодические модели рунических напевов Беломорской Карелии (по материалам сборника А. Лауниса «Напевы карельских рун») // Бубриховские чтения: проблемы прибалтийско-финской филологии и культуры. — Петрозаводск, 2002. — С. 187–197.

¹⁸ Именно термин «руна» позволяет отделить архаичные образцы музыкально-поэтического фольклора, основанные на «калевальском» стихе, от более позднего стиля так называемых «новых» песен куплетной формы с рифмованными поэтическими текстами.

¹⁹ Здесь и далее в приведённых формулах знак «+» обозначает слвораздел.

²⁰ Впервые термин «перебойный стих» (фин. *murrelmasäe*) использовал Э. Лённрот [8, с. 32]. Термин употребляется в отношении стихов, стопное ударение в которых не совпадает со словесным. См. об этом также: Рахимова Э. Г. Изобразительность метафорических уподоблений в рунах калевальской метрики // Народные культуры Русского Севера: матер. российско-финского симпозиума (3–4 июня 2001 г.) / отв. ред. Н. В. Дранникова. — Архангельск: Помор. гос. ун-т, 2002.

²¹ Подобное наблюдение возникло у автора и при прослушивании аудиозаписей поэтических текстов рун «Калеваль» Э. Лённрота на разных языках (финском, латинском, английском, венгерском, русском и др.). Записи принадлежат Фольклорному Архиву «Juminkeko» (г. Кухмо, Финляндия).

²² Финляндские исследователи выделяют два ритмических типа рунических напевов: напев «общего типа» и напев «свадебнопесенного типа». См.: [10; 8].

²³ О ритмическом строе эпической руны см.: Краснопольская Т. В. Напевы эпических песен... С. 9–12.

²⁴ Runosavelmia. Karjalan runosavelmat / Julkasi Armas Launis. — Helsinki, 1930.

²⁵ Карельские народные песни...; Кондратьева С. Карельская народная песня. — М.: Сов. композитор, 1977; Краснопольская Т. В. Песни Карельского края. — Петрозаводск: Карелия, 1977; Песенный фольклор кестеньгских карел / изд. подг. Н. А. Лавонен. — Петрозаводск: Карелия, 1989.

²⁶ Здесь и далее принимается сокращение МРЕ — малые ритмические единицы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бубрих Д. В. Историческая фонетика финского-суоми языка. — Петрозаводск: Госиздат Карело-Финской ССР, 1948.

2. Ефименкова Б. Б. Ритм в произведениях русского вокального фольклора. — М.: Композитор, 2001.

3. Карело-финский народный эпос. В 2 кн. Кн. 1. — М.: Восточная литература, 1994.

4. Песенный фольклор кестеньгских карел / изд. подг. Н. А. Лавонен. — Петрозаводск: Карелия, 1989.

5. Рюйтел И. Типология, структура и развитие эстонских однострочных свадебных напевов // Музыка в обрядах и трудовой деятельности финно-угров. — Таллин, 1986. — С. 153–187.

6. Тампере Х. О проблеме ритма старой эстонской народной песни // Тампере Х. Эстонская народная песня: статьи и материалы [пер.

с эст.] / ред И. Рюйтел. — Л.: Музыка, 1983. — С. 94–103.

7. Huttu-Hiltunen P. Länsivienalinen runolaulu 1900-luvulla — kuuden runolaulajan laulutyylin kulttuurisensitiivinen musiikkianalyysi. — Kuhmo: Juminkeko — Sibelius-Akatemia, 2008.

8. Laitinen H. Runolaulu // Suomen musiikin historia. Kansanmusiikki. — Porvoo: WS Bookwell Oy, 2006. — S. 14–79.

9. Leisio T. The runo code. The finnish epic folk song tradition in Finland // Inspired by tradition. Kalevala poetry in Finnish music / Writers, translation and Finnish Music Information centre Finnic, 2004. — Jyväskylä: Printed in Finland by Gummerus Kirjapaino Oy, 2005. — P. 41–56.

10. Suomen Kansan Vanhat Runot. T.1. Vienan läänin runot. Osa 3. Lyyrilliset opettavaiset-, miete-, iva-, leikki-, y.m.runot. — Helsinki, 1919.

Швецова Вера Анатольевна

преподаватель кафедры музыки финно-угорских народов
Петрозаводской государственной
консерватории им. А. К. Глазунова,
соискатель Государственного института искусствознания